

московское отделение Союза писателей. Оксману, одному из самых блестящих литературоведов, было за шестьдесят, но он двигался и говорил с неуемной энергией. Проницательность Чуковского, его яркий стиль поведения, эрудиция и дар выразительного слова и жеста задали тон вечеру. Мне было очень хорошо с этими людьми, чья широкая образованность и гражданское неравнодушие позволяли мне на подмосковной даче в лесу чувствовать себя оказавшимся в средоточии мировых жизненных сил.

За ужином Чуковский был и радушным хозяином, и переводчиком, и высокообразованным собеседником. Он посадил Фроста во главе стола, Щипачева по левую руку от него, а сам сел по правую. Они стали разговаривать втроем о русской кухне и лирической поэзии; Чуковский переводил и комментировал. Все остальные слушали.

Одна из распорядительниц спокойно взирала на происходящее, а другая, с излишним рвением относившаяся к своим обязанностям и, как нам казалось, специально приставленная к Фросту, начала, к общему смущению, повторять то, что говорил Чуковский. Ее голос звучал громче и громче; Фрост, который был туговат на ухо, слышал все меньше и меньше. Вдруг она вскочила, желая подбежать к нему и прокричать прямо в ухо. Фрост отпрянул и загородился ладонью. “Уйдите, сядьте, — сказал он, замахав рукой, — нет, нет, нет, нет, нет”. Он понятия не имел, зачем она вскочила, и решил, что ей вздумалось его поцеловать. Она села, несколько поостыв, и Чуковский снова взял застолье в свои руки. Позже в гостинице Фрост посмеялся над этим недоразумением, но нельзя сказать, что он не рассердился. Он начинал чувствовать, что от распорядительниц больше вреда, чем пользы, и вспомнил, как перед поездкой решительно отказался взять с собой переводчицу. Он начал уставать от непонятной для него русской речи. А вот с Чуковским он